

ПОЪЗДКА
ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКИ ДНЪПРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ГЛАВА III.

ПЛАВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПОРОГИ. ЛОЦМАНЫ. ВОЛНИГ. ЗМЕИНАЯ СКЕЛИ. СТАНОВОЙ. ВИЛЬНЫЙ ПОРОГ. ПЛОТЫ. КРУШЕНИЕ БАРОК. КИЧКАС. МЕНОНИСТЫ.

.....
Колония Кичкас или Эйнлаге поселена у древнего Крарийского мыса, о котором упоминают греческие историки. Боплан тоже говорит о нем, показывая впрочем здесь неверно ширину Днепра в 150 шагов, которая не могла измениться, потому что река течет здесь в гранитных берегах и имеет ширины 150 сажен.

Колония эта, состоящая из менонистов, поселена после падения Запорожья. Служа главною пристанью и стоя на важном чумацком тракте и на большой дороге из Екатеринослава в Керчь и Феодосию, красивая деревня эта летом набита всякого рода проезжими и прохожими. Она расположена по правому берегу Днепра и тянется далеко по гранитным скалам до того места, где, как сказал я выше, Днепр круто поворачивает и где немцы насыпали высокую и кепкую плотину, во избежание наводнения, разорившего их в 1845 г. Чистенькие и опрятные домики стоят на порядочном расстоянии один от другого, и это пространство между домами непременно засажено деревьями, преимущественно белую акациею, так что в мае месяце, когда деревья в цвету, колония словно принарядилась в праздничную одежду. Постройки менонистов все однообразны, и расположение домов одинаково; некоторые разнятся только внутренним убранством, да и то количеством и качеством вещей, а самые вещи расположены в домах одним и тем же порядком. Под одной связью помещаются: конюшня, коровник, рига, сеновал и дом колониста. Из сеней, где отгорожена кухня и расположены разная необходимая утварь в порядке и возможной опрятности, вы войдете в чистую светлую горницу, в углу которой стоит кровать с горой ПЮФЯКОВ и подушек, сложенных друг на друге необыкновенно тщательно. Возле двери в стене вделан шкаф, в котором разставлена посуда с невозмутимой симметрией. У стен диванчик, стулья, один или два стола, и—необходимая принадлежность,—красивый и прочный сундук. На стене висят деревянные часы, нередко еще вывезенные из Пруссии в конце прошлого столетия; Чисто вымытый пол посыпан песком. Далее следует спальня, а там, смотря по величине дома, иногда идет еще комната. Через сени тоже горница, где хозяин занимается каким нибудь ремеслом, потому что менонист любит чем нибудь заниматься. Во всех комнатах опрятность и чистота поразительная, а медь, где только она есть, выполирована до возможной степени совершенства. Глядя на жилище менониста, можно подумать, что там больше ничего и не делают как только моют, скоблят, чистят и полируют. Образ жизни колонистов патриархальный, и они как-то редко предаются веселости: сколько я заметил, в воскресенье даже не слышно, чтобы молодежь собиралась для развлечений своего возраста; даже школьники смиренно идут, в училище и обратно, не шалят, не дерутся, и чинно разговаривают, словно взрослые. Прожив раз целую неделю в Кичкасе, я так утомился этим невозмутимым однообразием, что как ни приятно мне было сидеть в светлой, опрятной комнате, однако я поспешил в малорусскую деревню, где жизнь хоть и грубее, где встретили меня лишения, но в которой люди и плачут и смеются, и поют и пляшут, и пожалуй подерутся для разнообразия. А между тем я по берегам Днепра нигде не видел, такого довольства и трудолюбия, как у колонистов Хортицкогр округа. Я посещал не один Кичкас и не раз жила у менонистов, но мне никогда не удавалось заметить когда хозяйка успевала доводить дом свой до этой, почти голландской чистоты. Я следил за дневными занятиями колонистов. Утром очень рано, после завтрака, состоящего из кофе с молоком, немец выезжает в поле на работу и, смотря по надобности, берет работника и работницу. Дышловые их фургоны, можно сказать изящной работы, устроены таким образом, что служат и обыкновенной телегой, и могут превратиться в повозку, на которой помещается три копны хлеба. Земледельческие орудия, более или менее усовершенствованные, содержатся в необыкновенной исправности; а лошади (менонисты, работают лошадьми) обладают завидною полнотою и пользуются любовью своего хозяина. Отправляясь в поле, немец не позабудет взять на телегу кадушки с водою, необходимой как для него, так и для животных. Хозяйка в это время не только сама занимается каким нибудь делом, но и задает работу всем домашним от мала до велика, обмыв и причесав малых детей и отправив некоторых в школу. Немки преимущественно занимаются сбором молока, которое сберегают они не в кувшинах, но в мисках, пахтаньем отличного масла, выделкою сыру, роются в огороде и потом принимаются варить обед, аккуратно посматривая на часы, обладающие иногда таким громозвучным колоколом, что терпеть их звон нет никакой возможности. Молоко всегда в изобилии; кроме того, что из него выдвываются сыр и масло, хозяйка поит им даже свиней, не говоря, что наливает полную миску кошкам, которых в ином доме собирается несколько штук. У немцев мне нравится обыкновение, что они не забрасывают бедных котят и кормят их постоянно. Это противоположность с евреями, которые тоже не забрасывают котят, из скупости потерять что бы то ни было им принадлежащее, но и не кормят их, в силу той же добродетели.

Колонисты с любовью и успехом занимаются шелководством, а потому разводят много тутовых деревьев. Между колонистами есть разного рода ремесленники, и произведения их рук, не смотря иногда на свою грубость, не могут быть заподозрены в недобросовестности. Менонист говорит, что даже если бы я и не хотел быть честными, то надобно быть честным, и вследствие этого правила редко встречаются примеры мошенничества и плутовства—качества, так тесно связанные с нашими ремесленниками, конечно не без исключений.

В Кичкасе есть лесная пристань, принадлежащая колонисту Генрихсону, известному в окрестности под именем Корнея Корнеича, который снабжает лесом не только менонистов своего округа и соседние селения, но и колонистов Таврической губернии, поселенных по реке Молочной. Пристань Генрихсона в большом порядке и отличается доброкачественным лесом: купец этот ездит сам в Екатеринослав и дальше вверх для закупки барок и плотов, и честностью своею берет перевес над многими лесными торговцами, которые гораздо богаче его, но пускают в ход различные проделки, недостойные порядочного человека. Корней Корнеич большой оригинал и необыкновенно интересно рассказывает о лесной торговле и о лицах, ведущих ее по известной ему местности. Он порядочно разбогател и купил много земли, на которой успешно занимается скотоводством, овцеводством и хлебопашеством.

В Кичкасе есть также две лавочки, в которых местные покупатели находят все для удовлетворения своих местных потребностей, начиная от кофе и сахара до ситцу и каленкору, от ножа и замка до детской игрушки. Разницы в ценах я не заметил с ценою этих же товаров в окрестных городках.

Зажиточные немцы получают Рижскую газету (*Rigasche Zeitung*) и кроме того, что непременно толкуют между собою о политике за кружкою пива, но считают обязанностью поговорить и с каждым приезжим о современных событиях. При совершенном неведении статистики и при самых темных понятиях о географии, иной толстый колонист рассказывает уморительные вещи, и в жару беседы, за неимением более убедительных доказательств, чертит по столу пивом положение местности, о которой идет речь. Смотря на эти мокрые дорожки, не имеющие никакого смысла, другой немец торжественно опровергает своего соседа и старается перечертить по своему. Из этого выходят незанимательные споры о том, где какая страна света. Однажды я присутствовал при подобной беседе, возникшей по поводу минувшей кампании. Колонисты рассказывали мне как они доставляли, кажется, провиант в действующую армию, сообщая при этом интересные подробности о провиантских чиновниках. Один колонист начертил на столе часть Крымского полуострова таким образом, что Керчь приходилась на одном меридиане с Севастополем, только гораздо южнее, а Симферополь стоял между этими городами, подаваясь на запад. Но гораздо интереснее был рассказ о том как прусский король (* Все менонисты отзываются о прусском короле с особенным уважением, потому что предки их вышли из Пруссии; есть еще старики, которые помнят свою родину. А. Ч.), встретив однажды императора французов на гулянье в Берлине, остановился и в присутствии всех гуляющих произнес ему энергическую речь, порицая нападение на Россию. Колонист вдохновился, и если действительно нелепость эта занесена была в колоний, то я увере, что собеседник мой присочинил большую половину в жару своего красноречия. Никогда не забуду я последней фразы: «Ты думаешь, что недопустишь кофе в Россию, говорил будто бы прусский король, ошибаешься—я пропущу его чрез свои границы». После такой речи Наполеон начал оправдываться, обвинял Англию и уверял, что больше никогда не будет. Впрочем политик этот был какойто приезжий молочанец и говорил более чистым немецким языком нежели прочие колонисты, употребляющие обыкновенно платдейч. Все они, однакоже, за исключением женщин, хорошо говорят по малорусски.

Но я никогда не мог помириться с ними относительно пищи, потому что поплатился за нее страшной лихорадкой. Поселясь в Кичкасе летом прошлого года, для изучения окрестностей, я просил свою хозяйку приготовить мне обед за условленную плату. Она изъявила свое согласие и спросила, в котором часу я обедаю. Отправляясь из дому с утра и позавтракав где нибудь в окрестности одним хлебом без всякой примеси, я возвращался домой часам к пяти, с запасом большого аппетита. В первый день, в назначенный час и минуту не успел я снять дорожной сумки, как уже на столе у меня стояла миска и был приготовлен довольно приличный прибор. Меня изумило, однако же, что вместо обыкновенного супу в миске было молоко. Голодному впрочем рассуждать нечего. Пробую, непротивно, но со дна миски вытаскиваю ложку вишень.

— Что это? спрашиваю.

— Киршен-зуппе, отвечает хозяйка.

Сочетание вишень с молоком показалось мне немного странным, но я, утолив первоначальный голод, спросил себе пить. Мне подали стакан густых сливок. Я подумал, что может быть действительно после кирш-зуппе не следует употреблять другого питья и опорожнил стакан. Второе блюдо было жирнейшая

и превкусная ветчина, в роде вестфальской, которую колонисты приготавливают с необыкновенным искусством. После ветчины Следовало жаркое с каким то сладким соусом.

— Герр доволен обедом? спросила хозяйка.

— Очень, только нельзя ли приготовить другой суп, и вместо сливок подавать для питья воду.

На другой день снова был подан молочный суп, но уже не с вишнями, а с каким-то другим плодом, изрезанным в мелкие кусочки.

— Что это? спрашиваю.

— Бирне-зуппе.

Это значит—молоко сварено с недозрелыми грушами, упавшими с дерева, но похлебка показалась мне с голоду по крайней мере не противна. Потом по обычаю следовали ветчина и жаркое.

Я снова просил переменить суп и пояснил, что желал бы с картофелем; на следующий день суп был точно с картофелем, но сваренным на молоке, и который прежде чем попасть в суп был предварительно сжарен в масле. Одним словом, за эту пищу я поплатился жестокой крымской лихорадкой, и уже после того, бывая в колониях, сам тщательно определяю материалы для своего обеда, и даже купил себе в Одессе поваренную книгу, хотя она оказывается для меня совершенно бесполезною. В Кичкасе существует род обжорного ряда возле кабака, где можно конечно утолить голод, но пища, продаваемая на этом базаре, состоящая из жареной рыбы или мяса, не привлекает своей наружностью. Вечером это место интересно по случаю большого стечения народа, и там можно видеть иногда разгулявшихся чумаков, которые с необыкновенным искусством исполняют малорусские танцы.

Колонисты курят табак и страстные до него охотники. Как мужчины, так и женщины, одеваются весьма некрасиво. Мужская одежда состоит из куртки, жилета и штанов неуклюжего покроя; летом мужчины ходят в туфлях с деревянными подошвами, но во время грязи и зимою обуваются в сапоги. Женщины носят общипанные платья ситцевые или из крашенины, а выходя на улицу, надевают соломенные шляпки допотопного покроя. Я посещал пять колоний и в том числе самую знаменитую—Нижнюю Хортицу, в которой находится обершульц, где живет отличный часовой мастер, поставляющий часы во все колонии, и где можно найти превосходного каретника—но не встречал не только ни одной хорошенькой, а даже сносной женщины, между тем как мужчины попадаются очень красивые. Выходит не всегда справедливо поверье, что на больших реках встречаются красавицы преимущественно пред прочими местностями.

В этих колониях удивительный порядок. Шульц (наш старшина), избираемый из числа порядочных хозяев, пользуется уважением, и распоряжения его исполняются безпрекословно. Лошади доставляются чрезвычайно скоро, даже и при немецкой неповоротливости, лишь; бы только случился писарь прочесть открытый лист; но путешествующему в своем тарантасе может встретиться важное неудобство. Во первых, немцы не умеют запрягать в оглобли, а во вторых у них во всей колонии не отыщется дуги, так что за этой штукой приходится посылать в соседнюю малорусскую деревню.

Жители Кичкаса не занимаются судоходством, да и рыболовство у них в совершенном пренебрежении: во всей колонии один порядочный рыбак, он же и лоцман, Якубенко. Этот колонист, усвоивший немецко-малорусскую фамилию, умный и интересный человек, который превосходно знает местность и обладает обширными сведениями касательно первоначальной колонизации. Его отец был первым поселенцем на острове Хортице.

В Кичкас приходят снизу на своих лодках Никопольские вольные матросы, о быте которых, также как и об их судоходстве, я представлю в свое время подробное описание.

ГЛАВА IV.

Выход из порогов. Остров Хортица. Колония. Предания. Якубенко. Село Вознесенское. Хлебный магазин. Александровск. Почтовая контора. Пансион. Лесная пристань. Описание фарватера.

Хотя, миновав Днепровские пороги, судоходство и не встречает уже дальнейших опасностей, однако тем не мене Днепр словно не желает еще некоторое время разстаться с камнями и скалами, служащими эпилогом только-что оконченного плавания чрез гранитные громады. Порогов конечно уже нет, заборы даже потеряли свой характер, но прихотливое русло там и сям выставляет опасные камни наружу или скрывает под водою не менее опасные глыбы первозданной породы. Вывод судна за Хортицу требует еще знания местности, конечно не в такой степени, как в порожистой части реки, но во всяком случае здесь опытный лоцман более необходим, чем на всем течении Днепра до Херсона. Правый рукав реки, огибающий остров с запада, представляет меньше опасностей, но за то он судоходен лишь в полую воду, а левый, идущий к Александровску, хотя и глубже, однако представляет довольно затруднений. Но мы остановим внимание на острове Хортице, самом большом на

Днепре,—называвшемся в древности островом св. Георгия. Здесь, по свидетельству Багрянородного, руссы приставали на некоторое время, пройдя пороги, для принесения жертв, бросания жребия, разных гаданий и проч.

Хортицкий остров чрезвычайно живописен, в особенности весною, когда между его дикими прибрежными скалами ярко зеленеют деревья и придают веселый вид угрюмым глыбам гранита. Он также возвышен как и оба берега реки, и нет сомнения, что в глубокой древности составлял продолжение левого берега, но потом непреодолимая масса вод, прорвав себе новое ложе, образовала большой остров. Поверхность его, усеяна деревьями, преимущественно грушевыми, которые однакоже находятся на большом расстоянии друг от друга, и придавая местности разнообразие, не мешают земледелию. Есть на острове замечательные курганы той же категории, что и на окрестных степях, но если принять во внимание, что здесь находились в древности поселения, и посмотреть на камни, венчающие вершины нескольких курганов, то бесспорно можно предположить, что разработка их принесет пользу археологии. Скифы ли, печенеги ли оставили здесь в недрах земли свои памятники—это все равно для науки, но я не знаю были-ль осматриваемы эти курганы. С исторической точки зрения все говорит в пользу этой местности, на которой существовали древние народы и совершались кровавые битвы. Если здесь и не встретится царской гробницы, такой, какая открыта в прошлом году в Александропольском кургане, то все же можно надеяться, что под упомянутыми мною могильными насыпями лежит остов какого нибудь витязя древности, не лишенный украшений, обычных своему племени.

Не менее значительный интерес представляет Хортицкий остров и для исследователя старины, хотя и не столь почтенной, как времена скифов или даже печенегов, однако любопытной при исследованиях древней жизни Запорожья. Во времена Боплана уже здесь не существовала Сечь; у Бантыш-Каменского упоминается, что она была здесь в начале XVI столетия, а г. Скальковский глухо говорит только, что остров был пуст задолго уже до путешествия Боплана. Из подобных показаний трудно вывести какое бы то ни было заключение,—но если даже и не верить смутным отрывочным преданиям, в которых изредка встречаются намеки о существовании Сечи на Хортице, то стоит только пройти по всему острову и в особенности по северо-западной его части, для убеждения, что здесь долго обитала казачья дружина. Вся эта часть острова перерезана во всю ширину канавами, соединяющими земляные укрепления самого первобытного устройства, которые безошибочно могут быть приняты за следы поселения безсемейного товарищества. Последний ряд этих укреплений лежит почти на самой оконечности скалистого острова, обращенной к Кичкасу. Между этими канавами, лежащими на значительном друг от друга расстоянии, вся местность изрыта ямами, имевшими, как утверждают старики, еще лет 50 назад, значительную глубину и служившими конечно землянками запорожцам. Но пройдя несколько раз по этой изрытой местности, я не могу до сих пор составить себе понятия—каким образом эта безстрашная дружина, располагала свои жилища по куреням, имевшим свое отдельное хозяйство. Впрочем, легко может быть, что в то время, когда Сечь существовала на Хортице, козаки не имели еще правильной организации, а собирались и селились между окопами, как кому удобнее. Не имея данных трудно судить об этом, а единственный источник—Боплан, по собственному свидетельству, доезжал только до этого места. На южной оконечности острова показывают сад, называя его Потемкинским, который будтобы был насажден по воле великолепного князя Тавриды. Возле этого сада я видел место, где была построена первая колонистская хижина, принадлежавшая менонисту Якубу, который был один из депутатов, приехавших в Россию для осмотра земель. Привольное и плодородное место хотя и было привлекательно, однакоже Якуб не долго усидел на южной оконечности острова. Это было вскоре после разорения Запорожья, когда еще по краю шатались шайки лугарей,—печальные остатки уничтоженного войска запорожского. Лугари безнаказанно рыскали по степям, на которых в то время только что еще зараждались поселения и брали дань с жителей, обходясь довольно мирно с послушными и употребляя жестокие меры с теми, кто хотел сопротивляться. Об этих удалцах я уже упоминал в первых статьях моих. Однажды вечером несколько человек лугарей напали на уединенный домик менониста и подвергли последнего тиранским истязаниям, так что бедняк скоро заплатился бы жизнью, но родоспевшие случайно колонисты спасли Якуба и разогнали немногочисленных разбойников. Здесь замечательно, одно обстоятельство, что лугари мучили менониста не за сопротивление, ибо он не сопротивлялся, но за то—как смел немец селиться на земле славного войска запорожского. В 1732 г., как говорит г. Ф. У., в примечаниях к переводу бопланова описания Украины, на Хортице строились корабли. В настоящее время нет никаких преданий о верфи. Года два тому на-зад умер в селе Вознесенском старик, рассказывавший, что в начале столетия заметно было затонувшее судно на том месте (близ нынешней колонии); но сколько ни ходил я по берегам—нигде ни малейших следов. Конечно 155 лет не мало времени, однако же в Таврове близ Воронежа сохранились доки Петра Великого, и если бы приняты были меры, чтобы не истребляли этих драгоценных остатков старины, они

перешли бы вероятно и к более отдаленному потомству. На Хортице ничего не сохранилось от постройки кораблей.

На разных местностях этого острова находят старинные монеты и металлические кончики стрел; иногда можно напасть на целые груды костей.

В настоящее время на этом острове, заключающем 3000 десятин земли, процветает хорошенькая колония, жители которой, походя во всем на обитателей прочих колоний Хортицкого округа, описанных мной в предыдущей статье, могут лишь похвалиться более тенистыми и плодородными садами. Растительность здесь довольно богата. Впрочем трудолюбие и заботливость менонистов создали здесь лес, покрыв красною лозою пространство 115 десятин сыпучего песку. Хотя этот лес и довольно жалок, потому что состоит из насаждений одной красной лозы, однако все же приятнее вместо голой и бесплодной песчаной степи встречать кустарник, который впрочем приносит еще и небольшую пользу. В двух местах даже посеяны сосны для опыта, и опыт удался превосходно, ибо небольшие сосновые рощицы разрослись очень хорошо, и еслибы прорубить густое насаждение, можно ручаться, что на Хортице выросли бы огромные сосновые деревья. Немецкая аккуратность обнесла эти рощицы плетнем, и они, представляя необыкновенно красивый вид своею темной зеленью среди лозовых кустарников, составляют некоторым образом гордость местных жителей. В небольшой этой колонии построены три лодки, занимающиеся перевозкой груза до Херсона: суда эти вооружены, по образцу никопольских, о которых я скажу в своем месте. В этой колонии можно видеть дома, построенные первыми поселенцами, и многие вещи, вывезенные из Пруссии, хотя конечно нельзя сказать, чтобы и в прочих колониях не было прусской утвари. Островитяне чрезвычайно гостеприимны, и если мне случалось бывать у когонибудь из них, то я не помню, чтобы мне не предлагали шнапс, ветчину и кофе. Последний, составляя одну из существеннейших потребностей колониста, и выпиваемый во всем Хортицком округе в значительном количестве, готовится весьма невкусно и может быть в этом отношении сравнен с чаем великорусского крестьянина. Немцы пьют кофе с особенным удовольствием и, несмотря на аккуратность и расчетливость, готовы придаться к каждому случаю, чтобы проглотить две или три чашки любимого напитка, всегда почти без сахара. Кофе с большим количеством цикория или жженого ячменя варится очень жидкий и почти-что не сохраняет свойственного ему вкуса, но всегда ожидается с нетерпением всеми членами семейства. Подается он в большом медном чайнике, для которого, в силу немецкой аккуратности, существует особый снаряд, порою необыкновенно оригинальной формы. Это своего рода поднос, на оконечности которого, обращенной к чашкам, приделано возвышение, с вырезкой для носка, и нередко состоит из фигур какихнибудь животных, поставленных головами в поле. Поднос этот имеет двойное дно, из которых верхнее может приподыматься и посредством подставки удерживается под таким углом, какой необходим для наливания кофе. У старика Гепнера, колониста с острова Хортицы, на подобном подносе выделаны из грушевого дерева уморительные звери с бычачьими туловищами и свиными головами; все подробности отделаны тщательно, даже вырезаны глаза и проколоты ноздри. Когда я спросил старика, что это за животные? Он объяснил мне, что имел в виду представить львов, которых видел когда-то на картинках. Не знаю таковы ли были грошевые оригиналы, служившие образцом художнику, или воображение его увлеклось в собственном стремлении, только звери вышли непохожими ни на одно из известных животных, но тем не менее служат предметом удивления и подражания для местных художников.

От колонии во всю ширину острова проложена дорога, обсаженная деревьями, к перевозу на правый берег Днепра, где неподалеку лежит большая Хортица (Розенталь),—место глав-ного управления всего округа.

В версте от Кичкаса Днепр разделяется на два рукава: один течет по левую сторону острова, другой по правую, но тот и другой представляют еще своего рода неудобства. Первый, при достаточной глубине и в летнюю воду, лежит мимо довольно опасных камней, второй же хотя имеет менее опасностей и за Столбами избавлен от камней, однако только весною удобен для судоходства, а летом чрезвычайно мелок. Судя по всему,—это первоначальное русло Днепра, прорывшего се-бе в последствии путь в более прямом направлении. Барки, следующие чрез пороги, идут обыкновенно правым рукавом и, пройдя Столбы, бросают якорь или тотчас за этими камнями, или на Царской пристани, которая, входя в узкую долину, образуемую рекою Хортицей, представляет удобное место для стоянка. Путь этот чрезвычайно живописен: с одной стороны скалистый высокий остров, покрытый деревьями, с другой каменистый крутой берег, на каждом шагу не лишены хорошеньких ландшафтов. Пониже Царской пристани лежит чрезвычайно красивый, круглый и высокий островок Канцеровский, называемый также и Дубовым, с древним укреплением в виде венца и с следами нескольких землянок. К южной его оконечности вода нанесла большую плоскую косу, на которой выросли деревья, но высота, увенчанная укреплением, ясно доказывает первоначальную форму островка, служившего

ОТДЕЛЬНЫМ фортом запорожцам. Отсюда Днепр поворачивает влево, заходя с этой стороны НЕСКОЛЬКО в глубину Хортицкого острова и потом выходит на слияние с другим рукавом, который, огибая остров, имеет здесь довольно быстрое течение. Отправляясь последним руслом, барка должна от Кичкаса держаться вблизи левого берега, и пройдя Каменный островок и обогнув Дурну Скелю,—очень живописную,—так чтобы чуть-чуть не коснуться ее веслами; можете ловко выйти на фарватер, незацепив Стогов—двух камней, лежащих вблизи хода. Совутина скеля на Хортице тоже не всегда безопасна, особенно если лощман не хорошо знаком с течением. Миновав камни Брагарники и пройдя возле селения Вознесенского, барка подходит к Александровской пристани. Этим путем идут преимущественно суда, следующие в Александровск, и те, которые подоспеют уже в то время, когда правый рукав обмелеет и представляет затруднение для судоходства. Село Вознесенское довольно многолюдно, жители его занимаются преимущественно хлебопашеством; рыболовство ограничивается самым небольшим числом рыбаков, промышленяющих рыбу почти только что для домашнего обихода. В этом селении замечателен казенный центральный хлебный магазин, корпуса которого издали придают Вознесенскому вид городка, раскинутого на полугоре. Магазины довольно большие и красивые, служащие также доказательством, что казенные и общественные постройки обходятся гораздо дороже вообще, в сравнении с частными, если даже первые и уступают последним как в прочности, так и в отделке. В четырех верстах оттуда, в колонии Кичкас, есть у меня приятель колонист, известный вокруг под именем Корнея Корнеича, который, занимаясь лесной торговлей, не пренебрегает и закупкою хлеба. Для последней цели построил он против своего дома превосходный каменный магазин, крытый железом. Не смотря, что принадлежит простому колонисту и стоит в деревне, здание это не было бы незаметно и на одесских улицах, по своей красивой наружности. Имея в длину 18, в ширину 6 и в высоту 5 сажени, магазин этот укрыт превосходно и даже оконечность крыши снабжена изящной решеткой. Двери и ставни в обоих ярусах железные, да и самая внутренность отвечает наружности. Строение это обошлось Корнею Корнеичу в 6000 руб. серебром, не смотря на значительную плату рабочим, которые в этом краю не могут пожаловаться на плохой заработок. Вознесенские магазины, при длине 27, ширине 6 и высоте 5 сажень, обошлись казне, каждый в 12,400 руб. сереб., и вместе 37,805 руб., считая в то число и употребленные на спланировку местности 551 р. сереб. Приняв во внимание, что ширина и высота центрального магазина совершенно те же, что и в магазине Корнея Корнеевича, и не смотря, что последний построен превосходно, с железными дверями и ставнями, и укрыт так отлично, что вероятно ветер не сорвет крыши, которая не скоро также уничтожится ржавчиной,—будем считать стоимость погонной сажени. По расчету, сажень длиннику магазина Корнея Корнеевича приблизительно стоит 340 руб., а Вознесенского магазина—около 460 руб.! Этот магазин начат постройкою осенью 1850 г., а окончен осенью 1852 г., но впоследствии потребовались некоторые дополнительные устройства, о которых производится еще переписка. Следовательно неизвестно еще как велика будет эта дополнительная смета.

Отчего же такая значительная разница? Разстояние между магазинами всего несколько верст, материалы те же, рабочие стоили одинаково, если еще казне обошлись не дешевле, ибо центральный магазин строился до военного времени, когда все в краю имело не чудовищные цены, а Корней Корнеевич оканчивает работу только в настоящем году. Вопрос этот, к сожалению, решается у нас скоро и равнодушно, вследствие довольно странной причины— что у казны денег много. И подобные правила, к стыду нашего времени, еще повторяются во всеуслышание иными личностями. Прodelки относительно общественных сооружений превосходно очеркнуты в «Медвежьем Углу» г. Печорского (Рус. Вестник 1857). Подрядчики действительно могли бы соглашаться на цены более дешевые, но при существующем порядке вещей не могут сделать этого, имея в виду неизбежные огромные расходы. Колонисты не вступают ни в какие подряды относительно построек, вследствие того, что если вычесть все издержки до начала, во время и после постройки, то барыша почти не остается.

— Отчего-же евреи берутся охотно? спросил я одного толкового немца.

— Оттого, отвечал он, что еврей ставит дурной материал и делает Бог знает как, лишь бы с рук, а наши менонисты еще этому не научились.

На днях мне рассказывал один из благороднейших людей, председатель Е—ской уголовной палаты, что когда он исправлял должность П—ского предводителя, в его уезде понадобилось построить небольшой мостик.

— Сделав для себя смету, говорил рассказывавший, я отнесся по начальству. Через несколько времени является строитель—развязный молодой человек, и раскланивается со мною самым любезным образом.

— Сколько надобно денег на постройку? спросил я. «Полагаю, что 900 рублей, а там увидим, может быть понадобится и прибавить».

— Мне кажется, возразил я, что довольно 400. «Помилуйте!» и строитель начал бойко вычислять стоимость и количество материялов.

— Я же вам докажу, что построю за 400. Любезный молодой человек принял величественную позу и сказал с иронической улыбкою:

«Может быть, но только у вас его не примут. «Это меня взбесило, и я начал доказывать, что примут непременно, ибо начали проходить времена, когда открытые злоупотребления совершались безнаказанно. Тогда любезный молодой человек переменял тон и начал просить, потому что заплатил 200 руб. за свою командировку.»

Вознесенский центральный магазин построен с благою целью, которая одна коже до сих пор никак не могла осуществиться. Цель эта заключается в том, чтобы во время низких цен на хлеб, скупать его в большом количестве и во время неурожая снабжать Екатеринославскую, Херсонскую губернии и Бессарабию, в которых оказался бы недостаток в продовольствии. Магазин выстроен в 1852 г., однако же до сих пор не исполнял еще своего назначения, и неизвестно будет ли когда исполнять его, приняв во внимание имеющиеся открыться пути сообщения. Цель сама по себе очень хороша, но по видимому не была подвергнута основательному обсуждению, подкрепленному знанием данной местности. Ведь прекрасная мысль не может еще дать толчка тому или другому торговому или экономическому движению, и не мешало бы позаботиться о том, что МЕСТНОСТЬ требует изучения более основательного, нежели знакомство с нею по карте и по не всегда верным статистическим сведениям. У нас еще, к сожалению, не принято посылать для изучения какогонибудь края в данном отношении—людей, приготовленных для этого. А если и случается, что едет чиновник, то проскакав с возможною быстротою по МЕСТНОСТИ, получив кое-какие поверхностные сведения и не заглянув в глубь края, он СПЕШИТ составить свои донесения; часто впрочем основываются на данных, доставляемых МЕСТНЫМИ властями. Последнее обстоятельство может казаться удовлетворительным только тому, кто привык к официальной бумажной Форме; но кто ХОТЕЛ бы знать страну и ее средства основательно,—тому необходимы другие процессы.

Устройство Вознесенского центрального магазина не может похвалиться особенным удобством, в том внимании, что хотя ссыпка и выборка хлеба и не подвержены сомнению, однако, по словам опытных людей, долговременное содержание хлеба в этих двух-ярусных закромах должно быть не СОВСЕМ удобно. Впрочем, об этом я судить не берусь, но достоверно знаю, что до сих пор еще он не был употребляем в дело.

Стоя над Днепром, на месте, где сосредоточивался казенный провиант в военное время, магазин этот, по видимому, мог бы принести хоть ту пользу, что сохранял бы провиант и фураж, предназначавшийся для крымской армии. Но странно! Вознесенский центральный магазин не был полезен и в этом случае. Не мог я доискаться настоящей причины, но одни говорят—будто бы оттого, что, принадлежа совершенно иному ведомству, он не был занят вследствие долговременной переписки, другие утверждают, что внутреннее его устройство не совсем удобно для хранения провианта. Не знаю в какой мере справедливо то и другое, но лично мне известно, что в военное время в этом магазине хранились ВПОСЛЕДСТВИИ сухари, пожертвованные дворянством. Провиант же и фураж находились во временных помещениях в какойнибудь версте разстояния и подвергались влиянию атмосферических перемен, как это водится, ибо рогожи не могли предохранять их от дождя так, как, предохраняла бы железная крыша. Впрочем и крыша на этом магазине уже начинает сильно ржаветь, ибо, должно полагать, была не добросовестно выкрашена, и есть надежда, что ржавчина скоро сделает СВОЕ ДЕЛО, а вследза этим появится приличная смета для починки здания, непринесшего еще покаместь, ровно никакой пользы. Между тем с окончанием постройки, магазина приставлен к нему смотритель с необходимым штатом, и вот уже четыре года получаете содержание и живет себе припеваючи, в ожидании занятия. Нет сомнения, что господин этот привык уже к своей должности, и в известные сроки делает донесения, что все обстоит благополучно. На одном, из корпусов как-то оторвало ветром часть крыши и починка стоит 276 руб. серебром. Ежегодное содержание штата стоит в год 3470 руб. Но до ныне впродолжение четырех годов, издержано только 5535 руб. 15 ½ коп., потому что с самого начала число должностных лиц уменьшено, а в настоящее время состоят при магазине смотритель с одним вахтером. Первый получает 1000 руб., а последний 120. Слово центральный магазин само по себе очень ясно говорит, что здание это должно находиться в центре данной местности. Теперь взгляните как выбран центр для магазина Екатеринославской, Херсонской губерний и Бессарабской области. По одной стороне Днепра с этим магазином находятся только уезды Новомосковский, Александровский, Павлоградский, Бахмутский, Славяносербский и Ростовский Екатеринославской губернии,—а по другую остальные уезды этой губернии, вся Херсонская и Бессарабия! Есть ли возможность всем воспользоваться благодетельным учреждением? Если здесь имелось в виду сообщение по Днепру, то как достигнуть Днепра, и еще нижнего Днепра, жителям отдаленных уездов Херсонской губернии! А если предполагалось, как говорят некоторые, что центральный магазин мог бы покупать по дешевой цене хлеб и дешево же продавать нуждающимся во время голода,—то это чистая утопия. Трудно бедняку приехать за несколько сот верст для покупки нескольких пудов хлеба. При том же центральный магазин может поместить

лишь только 30,000 четвертей. Подобное количество, полагаю, весьма недостаточно относительно народонаселения. Когда же и какой цели достигнет этот магазин—центральный по названию и вероятно имевший приносить на бумаге при проекте огромную пользу краю? В военное время он был бесполезен и не мог даже сберечь казенного провианта; в настоящее—тоже, и разве только годен для дополнительных смет и починок, да для украшения села Вознесенского. Не знаю, как кто смотрит на эти вещи, но человеку, любящему свое отечество, грустно видеть подобные постройки, а еще грустнее думать о том, какую незначительную роль играет еще у нас основательное изучение местности.

Теперь поговорим об Александровске, этом в настоящее время жалком городишке, но которому скоро откроется широкое поприще. Находясь над Днепром, он никак не мог сделаться лучше порядочной деревни и, перебиваясь кое-как своей грошовой торговлей, подобно всем своим собратьям в Екатеринославской губернии, за исключением Ростова, не представляет ничего утешительного, даже для голодного путника. Он очень смахивает на Миргород, и если в нем нет постоянного озера, то по крайней мере существуют такие же великолепные постройки, как и в городе, имеющем, благодаря Гоголю, право на бессмертие. Улучшение Александровска, по видимому, будет так быстро, что надо спешить представить настоящий его очерк, хотя в нем нет ровно ничего замечательного. Жалкий городишко этот, который, вероятно, чрез несколько лет будет иметь право обидеться за подобное название, расположен на левом берегу Днепра, от которого впрочем находится в близком расстоянии только в половодье. В конце его протекает река Московка, выходящая из степи, а за нею поселена менонистская колотя Шенвизе. Как водится, в городке существует площадь, на которой стоит довольно большая деревянная церковь, и тут же помещается жалкий гостинный двор, состоящий из нескольких лавченков, и базар, на котором продается кое-что съестное, преимущественно же белый хлеб дурного качества, а летом плоды разного рода. Уездные присутственные места размещены в различных домишках, и нет ни одного порядочного строения. Почтовая контора занимает избу на конце города, но в ней в настоящее время заметно гораздо более порядка, чем прежде. В прошлом году, почтовая контора, находясь чуть не в плавне, представляла грустное и вместе любопытное зрелище. Не быв еще знаком с топографией Александровска, в жаркий июльский день я долго блуждал по пустынным улицам или лучше сказать переулкам, пока мне указали почтовую контору, где я надеялся найти себе письма и вместе отправить свою корреспонденцию. Со страхом и трепетом подходил я к небольшому домику, у которого прибит был почтовый ящик. Отворив первую дверь из сеней, я вошел в довольно пустынную комнату, в которой стояли несколько человек с письмами в руках. Пришельцы эти дружелюбно разговаривали с высокого роста господином, который расхаживал в весьма бесцеремонном костюме....

— Где здесь г. почтмейстер? спросил я, обращаясь преимущественно к господину в легком наряде, заключая, что он не мог быть пришельцем.

— А вам надобно почтмейстера?

— Желал бы видеть.

— Ну, так я почтмейстер. - Очень приятно познакомиться.

Я тотчас же изъяснил причину своего прихода, сдал письма и спросил корреспонденцию на свое имя. Почтмейстер подошел к перекосившемуся ящику, открыл его и отдал в мое распоряжение, примолвя: — Поищите!

Не найдя ничего на свое имя и уступив место у ящика жиду, который запачканными руками начал рыться в письмах, я печально побрел на площадь, где сидело несколько торговков, да две, три собаки грызли за какие то обглоданные кости.

В городке, по обычаю, мертвая тишина, и почти никакой промышленности. В урочное время пройдут чиновники к должности и обратно, пробегут школьники, прошмыгнет где нибудь сын Израиля, и без боязни ходят всевозможные животные, ища себе скудного пропитания. В гостинном дворе почти никакого движения: сидельцы дремлют у лавочек, иногда за шашками, и к ним заходят покупатели более перед вечером, требуя кто свечку, кто четверку табаку, кто полфунта сахара. Впрочем в погребке иногда слышатся шумные разговоры, звенит стекло и раздаются мотивы тех мелодий, которые свойственны горлу, достаточно омоченному соком крымского или бессарабского винограда. В одном доме слышатся даже звуки Фортепьяно, но это в женском пансионе, где между прочими предметами преподаются и изящные искусства. Видите ли, Александровск в этом случае перешеголял многие уездные города, ибо в захолустьях наших провинций мальчика еще учат чему нибудь, но для девочек это считается излишнею роскошью. Пансион госпожи Сипко конечно не отличается утонченностью образования, но девицы приобретают в нем познания в чтении, письме, законе божьем, немножко

учатся по Французски, музыке и танцам. Читатели без сомнения догадались, что этот пансион открыт для девиц недостаточного состояния, родители которых, по своим средствам не могут иметь гувернантки, иди отвезти дочь куданибудь дальше. Госпожа Сипко берет за воспитание недорого, но судя по отзывам многих знакомых—пансионом ею вообще довольны. Не спору, могут заметить, что и мне в свою очередь следовало бы сделать хоть легкое замечание об александровском женском пансионе; но я могу только сказать одно, что по двум, трем девицам из пансиона госпожи Сипко, виденным мною, чрезвычайно трудно судить об учебном заведении. Если же я и в праве чтонибудь заметить, так это относительно музыки, которая как то не дается в александровском пансионе, но музыка такое искусство, которому трудно выучиться в общественных наших заведениях, стоящих и гораздо выше. Музыка и мне кажется излишнею роскошью в уездных пансионах, по многим отношениям. Во первых, недостаточная девица, оканчивающая курс в этого рода заведении, кроме того, что не может приобрести основательных познаний в музыке, требует уже от родителей экстренной издержки на Фортепяно. Слова нет, может быть, родительскому слуху и приятно внимать, когда дочь пробренчит две-три польки, столько же вальсов и пожалуй какиенибудь вариации; но чрез год или два музыку бросают, а деньги, бесполезно издержанные на покупку инструмента, могли бы быть употреблены на чтонибудь необходимое. Во вторых, если девица предполагает продолжать гденибудь воспитание, то музыкальные познания, приобретенные ею в городке, будут ей даже вредны, потому что непременно они не будут отвечать современным условиям искусства. В третьих, может ли быть чтонибудь убийственнее плохой игры на чрезвычайно плохом инструменте! Гораздо лучше вместо музыкального класса открыть бы класс домашнего хозяйства или проще—класс рукоделия. Для небогатого помещика и для бедняка чиновника нужнее жена хозяйка,—которая, положим, и не играет на Фортепяно,—нежели барышня, играющая польку или хоть и вариации, но неумеющая распорядиться своим маленьким хозяйством. Я нисколько не думаю нападать на музыкальное образование женщин, напротив—готов не отходить от Фортепяно, слушая музыку или пение, по целым дням,—но признаюсь, люблю музыку, которой, увы, нельзя научиться в уездном и даже в губернском пансионе, хотя из последних иногда выходят хорошие -музыкантши, разумеется, при особенных условиях таланта и случайно хорошем музыкальном учителе.

Лучшее здание в Александровске—острог, который, как говорят, наполняется большим числом колодников, потому что это огромный уезд. Из домов решительно нет замечательных, кроме того, который вблизи базарной площади стоит пустырем. Представляя развалины без окон, дом этот замечателен тем, что находится в опеке, под ведением которой дошел до такого плачевного состояния.

Гостиницы нет, а есть постоялый двор, который может предложить только овес и сено, но считает излишним приготовить чтонибудь для голодных проезжающих.

Несколько вывесок разбросано по городку, но вы на них читаете преимущественно названия присутственных мест. Проезжего поразит также одна особенность—на некоторых домиках шесты с небольшими флагами. Это остроумное изобретение откупщика разставлено над кабаками, чтобы желающие вкусить даров Бахуса не теряли попусту времени на необходимые расспросы.

В настоящее время в Александровске две лесных пристани купцов Захарьина и Ловягина, лежащие при впадении Московки в Днепр. Пристани эти снабжены разными сортами леса, но ни на одной нет таких крупных и больших колод, как в Кичкасе, у Корнея Корнеича. Весною плоты и барки пристают к самому берегу, а летом Днепр остается сажень в двухстах. Пароходная пристань остается левее устья Московки. Русское Общество пароходства и торговли не ошибется, если устроит здесь хорошую пристань; потому что край этот производителен и нуждается в средствах сообще-ния с морем; если нельзя ожидать значительного количества пассажиров, то будет непременно большая отправка сырых произведений. Но для учреждения правильного пароходства по Днепру во все навигационное время, Обществу будет предстоять труд углубить и очистить в некоторых местах Фарватер, ибо есть небольшие мели и древесные пни (холуи, корчаги), затрудняющие судоходство. Начиная от Александровска или лучше сказать от южной оконечности острова Хортицы, Днепр получает особый характер; он течет через плавни, т. е. пойменные леса и, отрезывая весною огромные деревья с корнями, засоряет свой фарватер. Некоторые осокоровые пни имеют около сажени в поперечнике. Жалобы судохозяев побудили ведомство путей сообщения позаботиться об очищении реки, которое отдало с подряда еврею уничтожение корчаг по Фарватеру. Еврей приступил к делу и исполнил его с выгодой для себя и ко вреду для судохозяев. Во первых, пока продолжалась переписка, многие корчаги занеслись песком, а новые загородили, дорогу, и подрядчик уничтожал только старые, равнодушно проходя мимо новых; во вторых, многие корчаги, торчащие иногда на поверхности воды, он не подымал посредством ворота, а просто спиливал их верхушки, так

чтоб небыло их видно, и тем самым сбивал с толку лоцмана. Видя корчагу на поверхности, лоцман по крайней мере избегал ее, а теперь проход сделался затруднительнее. Кажется, это дошло до сведения начальства. Возле городка стоит упраздненное земляное укрепление, которое в последнюю войну служило местом склада для казенного провианта и фуража. Вид оттуда на Днепр превосходный, и еслибы посадить там деревья, то могло бы выйти прекрасное гулянье. Я полагаю даже, что это сбудется чрез несколько лет, когда вблизи этого места поедут тысячи любопытных.

Это настоящее Александровска, а будущее пророчит завидную долю. Компания железных дорог предназначила ему роль довольно важного пункта, а Русское Общество пароходства и торговли придаст ему еще больше значение устройством пароходной пристани. В Александровск будет проходить дорога прямо от Огрени (пристань в нескольких верстах от Екатеринослава) и обойдет всю порожистую часть Днепра, так что теперь пороги неожиданно потеряют свой грозный характер для судоходства. О сооружении железной дороги собственно для обхода порогов нельзя было и думать, потому что устройство это, поглотив огромные суммы, никогда бы не могло окупиться, приняв во внимание цифры сплавного и взводного судоходства. Но при средствах Общества, имеющего всевозможные материалы в громадном количестве и обнимающего своею сетью такие дальние местности, подобное разстояние не сделает большой разницы. Если даже лес будет продолжать сплавляться чрез пороги, которые, нет сомнения, улучшатся—что и весьма легко исполнить,—то все прочие товары обойдут пороги по чугунке; да нельзя не предполагать, чтобы и часть леса и проходила в вагонах, в особенности того, который предназначается для Крыма. В настоящее время лес на этой местности страшно дорог и чем ниже по Днепру, тем чудовищнее принимает цены. Уже явились спекулянты для покупки мест под дома в Александровске, и нанято помещение для аптеки, которая, говорят, откроется будущею весною. Удивительно в самом деле существование наших дальних захолустьев. Например, в уездном городе полагается два медика, уездный и городской; хотя этого и мало, однако все таки как будто имеются средства для медицинского пособия. Но что же значить и несколько медиков, если нет аптеки! Не каждая же болезнь может спокойно ожидать, пока рецепт пройдет например из Александровска в Екатеринослав за 80 верст, и пока привезут оттуда лекарство; да и кто поручится, что в течение этого времени будет настоять надобность в лекарстве, прописанном три дня назад? Впрочем уездному медику и трудно заниматься пользованием больных: одни следствия в обширном уезде поглощают у него большую часть времени.

Итак александровские пустыри будут скоро застроены, и можно смело сказать, что с той минуты как раздадутся в нем свистки паровозов и пароходов, для него настанет новый акт, который в год, два—заставит позабыть, что здесь недавно существовала жалкая пародия на город. Прилив сырых произведений должен быть значителен, и мало по малу зацветут красивые села на тех местах, где до сих пор была такая мертвая и негостеприимная пустыня.

Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. Часть II . Поездка по Низовьям Днепра СПб., 1863

Глава II.

Каменка. Запорожское кладбище. Разговор с туземцем. Блажкова. Замечательные курганы. Бизюков монастырь. Змеи. Шведская колония. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колония. Быт евреев-земледельцев.

.....

Проехав версты две и миновав незначительную деревеньку Дремайловку, вы въезжаете снова в колонию, которая протянулась тоже по плану, в которой у домов кое где посажены деревья, но где как будто все говорить вам, что здесь живут не шведы и не немцы. Достаточно нескольких шагов по улице, и вы догадаетесь, что въехали в еврейскую колонию. Новый Берислав населен выходцами из литовских губерний и Курляндии. Колония эта и жизнь в ней, не скажу, чтобы оставили во мне приятное впечатление, но поразили своей оригинальностью. Бывал я в городах западных губерниях, населенных преимущественно евреями, но все же там встречаются другие национальности, а здесь никого кроме израильтян, за исключением смотрителя менониста, который назначен собственно учить евреев хозяйству. Предъявив в приказе открытый лист, я был с ног до головы осмотрен начальствующими лицами, из которых одно тотчас же побежало в дом смотрителя. Последний был в отсутствии, но жена

его предложила мне у себя квартиру, чем много обрадовала меня, во-первых, потому, что в домике заметил я большие окна, выходящие прямо на Днепр, во вторых мне представилась необыкновенная чистота помещения, а в третьих – вокруг цвели кусты душистой дикой маслины и огневидного шиповника. Не успел я водвориться в новом временном приюте, не успел мой слуга внести необходимые вещи и поставить самовар, как в сенях явились человека три евреев, и я услышал разговор их с моим Иваном:

- А что, твой пан большой человек?
- Нет, небольшой, отвечал Иван со своим малорусским акцентом.
- А можно ему подавать прошения?
- Не принимает.
- А мы дадим тебе злотый (15 к.)
- Убирайтесь со своим злотым к черту!
- Ай, не сердись! Мы подадим такое маленькое прошение.
- Нельзя. Да чего же вы хотите?
- Нас притесняют, проговорил еврей, понизивши голос.
- Я сказал уже вам, чтоб вы убрались по-здорову.
- Мы тебе дадим два злота.
- А я дам вам по шее. Пошли вон! Не дадут отдохнуть с дороги.
- Какой же ты сердитый! А как тебя зовут?
- Иваном. Зачем вам?
- Слушай, Иван, мы люди честные.
- Знаю я вас, насмотрелся в Бердичеве и Житомире.
- Мы бедные и честные. Ведь твой пан из самого Петербурга.
- Ну так что ж?
- Зачем же он послан?
- А я разве знаю.
- Что же он делает?
- Известно, сидит да пишет.
- А и он сердитый?
- Попробуй полезть в комнату.
- Мы не посмеем, а хотелось бы подать прошение.

Разговор становился для меня занимательным, но приехал смотритель колонии, и евреев как не бывало.

Новый Берислав на красивом месте. Но, взглянув вокруг, вы непременно заметите нечистоту, без которой еврей обойтись не в состоянии. Дворы завалены сором, на колышках везде развешано тряпье и лохмотья. У иных впрочем разведены огородики, но не иначе как по сильному настоянию смотрителя. В каждом почти дворе коза и кляча: первая для молока, вторая для поездок в Берислав по части различных плутней, и по соседним деревням для той же самой надобности. Евреи колонисты постоянно заняты мелкою промышленностью, и во всей колонии, может быть три, четыре человека, у которых успешно идет хозяйство, а прочие, как говорится, кто во что горазд. По всему полагать можно, что поселенцы имели в виду льготы и денежное вспомоществование, но с первых же пор земледелие не входило в их расчеты. Каждому выстроена изба, даны пара волов, корова, отпущены деньги на сельскохозяйственные орудия и отведена земля в широких размерах, как вообще в южной России колонистам, т. е. по шестидесяти десятин на хозяина. Чего бы кажется лучше? Но Еврей волов перевел на клячу, корову на козу, орудия сами собою пришли в негодность, некоторые избы опустели, и вот отчего колония имеет такой неприятный оборванный вид. Я видел избы, стояния пустырем, брошенные уже года по два своими хозяевами, которые шныряют где-то далеко, занимаясь мелочною торговлею. Однако мало помалу, говорил мне смотритель, иные уже привыкают к сельскохозяйственному труду. Действительно, есть несколько хозяев порядочных хлебопашцев, которые в подражание немцам пашут лошадьми, хотя вообще на юге принято мнение, что той почвы иначе нельзя возделывать как волами. Но этих зажиточных хозяев весьма мало, прочие перебиваются кое-как и преимущественно занимаются поездками не только дневными, но и ночными. Конечно, последние не имеют безукоризненной цели, и говорят окрестные соседи, что случается у них недочета в рогатом скоте и лошадях, которые в

Херсонской губернии как-то живо передаются в добрые руки, особенно в Бессарабию. Об этом говорят не только в ближайших колониях, но и далеко в окрестности. Смотритель менонист строго держит в руках вверенных ему поселенцев и настойчиво требует от них, чтобы они занимались полевыми работами, возделывали огороды и разводили садики у жилищ своих. Разумеется, это не нравится евреям. В поле они еще пахут кое-как, возделывают с трудом и огороды, потому что овощ можно продать в ближайшем городе, но еврей никак не может примириться с разведением садиков, т. е. акаций и плодовых деревьев – как вещи, по его мнению, совершенно бесполезной. Сначала они уверяли, что на той почве не могут расти деревья. На место всяких убеждений терпеливый менонист насадил возле своего дома прекрасный сад из акаций, дикой маслины, тополей, тутовых и других плодовых деревьев. Несколько раз, во время отлучек его куда-нибудь по делам, они в удостоверение, что почва не производительна, вырывали ночью деревца, подсекали корни и вообще делали всякие пакости, чтобы уничтожить новое насаждение. Настойчивый менонист не обращал на это внимания и вскоре домик его окружен был густым тенистым садиком. Тогда он строже начал требовать от своих подчиненных посадки деревьев, и сыны израиля волею-неволею начали ненавистное для них дело. Садить-то они сажают, но как вовсе не ухаживают за деревцами, то и успеха мало, хотя по улице у каждого домика торчит по несколько кустиков акаций. Избы не могут похвалиться наружной опрятностью, а о внутренней и говорить нечего: это условие, которого нельзя и требовать от еврея такого сорта, тем более, что и многие богатые, живущие в городах, считают чистоплотность и опрятность не в числе ветхозаветных добродетелей. По улице бегают многочисленные толпы детей, которых у этого племени всегда такое множество, вследствие ранних браков и особенной плодовитости.

В первый же день моего приезда в Новый Берислав, когда после короткого разговора с менонистом, я принялся за чай в ожидании обеда, ко мне, пользуясь отсутствием Ивана, робко вошел приземистый еврей и поклонился так, как кланяются они в западных губерниях.

– Ты кто?

– Десятник и фактор.

– Что же тебе надобно?

– Может, чего надобно вашему сиятельству.

– Не называй меня сиятельством.

– Как угодно вашему превосходительству. Видя это *crescendo* титулов, я уже не настаивал, а сказал:

– Надо бы достать курицу, масла, молока. Можно?

– У нас все можно.

– Ну, что стоит у вас курица?

– Полкербеля (50 к.).

– Как? я же у шведов платил 20 к!

– Знаю, да какие там куры! У шведов курица маленькая, худая, а у нас как индюк.

– Ты лжешь, любезный десятник и фактор.

– Зачем?

– Да так, из своей выгоды. А почему у вас кувшин молока.

– Два злота (30 к.).

– Таких цен я не слыхал.

– В военное время...

– Да теперь, слава Богу, всюду мир, а ты говори, что следует.

– Дешевле нельзя.

– Так ступай же себе, любезный, я найду и без тебя.

Еврей начал понижать цены и только после повторенного приказания оставил меня в покое, а Иван купил все за полцены в колонии.

Вечером я отправился на берег. Не успел я отойти за деревню, как человек пять евреев окружили меня с униженными поклонами. Они просили позволения подать просьбы, в чем конечно я отказал им. Жалобы их состояли в том, что менонист строго заставляет их заниматься хлебопашеством, не позволяете отлучаться из колонии и требует исполнения обязанностей, принятых ими при водворении. Они наивно утверждают, что не могут жить без торговли, не принимая в расчет, что правительство пожертвовало землю и деньги, имея лишь в виду их собственное благосостояние: оно именно хотело дать средство безбедного существования истинным пролетариям.

Я с первых же пор начал подробно входить в их быт, потому что мне хотелось узнать: до какой степени люди эти не понимают своих выгод, и не индивидуальная ли испорченность причиной этих жалоб и неурядиц колонии. Мне кажется, заключение можно сделать одно, и оно не будет удалено от истины, что еврейское племя, по крайней мере, в настоящем поколении, неспособно к земледелию и к сельской жизни, если последняя не представляет поприща для торговли и мелкой промышленности. Да и может ли быть иначе. Можно ли требовать, чтобы еврей был хорошим земледельцем, когда он весь век жил в городе или местечке и занимался непременно каким-нибудь ремеслом и промыслом, т. е. или сидел целый день за работой, или шнырял по улицам для извлечения барышей из своего капиталца всякими средствами. Он мельком видел плуг и борону и ему даже из простого любопытства не приходила мысль присмотреться ближе к этим орудиям и взглянуть на их действие. Опять с другой стороны евреи необыкновенно трудолюбивы: между ними решительно нет тунеядцев, а каждый непременно занят, и добывает трудом кусок насущного хлеба, если даже труд этот состоит в одном только факторстве. С первого раза покажется странным – отчего же такое трудолюбивое племя, умеющее из ничего извлекать барыши, не хочет заняться хлебопашеством, самым верным средством не только прокормить семью, но и обеспечить будущее благосостояние. Дело очень просто. Обольщенные обещанием хаты, волов, земли, средств переехать на счет правительства в место нового назначения, истинные бедняки схватились за это и отправились в обетованную землю. Действительно, за малым исключением, шли пролетарии, нуждавшиеся в куске хлеба и добывание его горьким трудом. Избы им были выстроены, отмерена земля, подарен рабочий скот и выданы деньги на покупку сельскохозяйственных орудий. Кажется, сделано все, даны средства – стоит только заняться прилежно хлебопашеством. Но теория и практика не всегда дружно сходятся между собою. По теории, имея под рукою цифру хозяев, количество десятин земли, рабочего скота, приняв во внимание качество почвы, можно было на бумаге вывести средний урожай новой колонии и определить даже средний доход колониста. Но в действительности дело пошло как-то иначе, не повинувшись статистическим вычислениям. Чтобы человеку, сидевшему всю жизнь за иглой или шилом, привыкнуть успешно ходить за плугом, научиться сеять, косить, жать, молотить, едва ли нужно не больше времени, чем взрослому земледельцу выучиться сшить кафтан или стачать пару сапог. Да я и не знаю, что труднее. Владенье иглой или другим подобным орудием едва ли не легче, чем многосложные сельские работы, при которых кроме желанья, умения, опытности, приобретаемой с малолетства, нужна еще Физическая сила. Возьмите же еще одно обстоятельство, на которое, может быть, не все статистики обращают внимание. Евреям даны от правительства вола в виде рабочей силы, по принятому обыкновенно на юге, а для обучения хозяйству назначен менонист, который не только не сумеет пахать волами, но охуждает подобный способ. Значит, надо сбывать волов, заводить лошадей; деньги, подаренные на покупку дешевых орудий – употребить на приобретение немецких, которые конечно гораздо лучше наших допотопных. Могли ли все эти меры повести к благосостоянию? Если немецкие колониста благоденствуют, в этом нет ничего удивительного: он пришел из Германии настоящим земледельцем, он привез свои улучшенные орудия, он охотно стремился в новый неведомый край, и, получив девственную почву и некоторые льготы, на первых же порах сделался порядочным хозяином. Колонизация евреев возникла из другого начала и не была добровольным, так сказать, естественным выражением населения, которое чувствовало себя стесненным; а искусственным переселением, попыткой создать безбедный быт для пролетариев. Еврейский вопрос у нас еще не разработан. Не одни действительно не хорошие качества большинства этого племени ставят его в недружелюбные отношения с прочими племенами, но и словно не переставала тяготеть над ним рука Божия, рассеявшая его по лицу всего мира. С каким-то особенным рвением любил я заниматься наблюдениями над этим избранным некогда народом, и где ни приходилось мне сталкиваться с ним, я не могу сказать ничего обще утешительного, не включая не многих личностей, образованием умевших стать в уровень с потребностями времени. Мне случалось видеть евреев кроме тех мест, где живут они на западе и юге, в горах на Кавказе, обитающих аулами, и везде племя это предано торговле, мелочной промышленности и обладает одной резкой, нигде не исчезающей чертой – трусостью. Даже кавказские евреи, живущие между горами, носят за поясом вместо кинжала аршин или восточную чернильницу. В Одессе есть новая секта евреев-реформаторов, которые хотя и следуют ветхому завету, однако не признают многих нелепых толкований талмуда, и от этих то сектаторов, стремящихся к просвещению, можно ожидать всего хорошего, ибо они признают начала хоть не евангельские, по крайней мере, гуманные. Но еврей-талмудисты это чистейшие обскуранты в

самом тесном смысле этого печального слова, и я не знаю можно ли, где бы то ни было, найти из числа их человека, который не употребил бы самым дурным средств из желания обмануть «гоя» или нанести ему вред! Если мне будут указывать того или другого образованного еврея, поступающего как следует порядочному человеку, я не только поверю на слово, но и сам укажу двух, трех знакомых, которые образованы и развиты согласно с современными требованиями, но это не те евреи, о которых идет речь, это люди, которые пока у нас блещут словно перлы между своими единоверцами.

В описываемой колонии довольно большая и опрятная синагога и при ней школа для обучения детей грамоте. Надо отдать справедливость евреям, что они непременно учат мальчиков, которые, научившись читать и писать еврейскими буквами, почти что не понимают древнего языка, а лепечут молитвы, вытвердивши их наизусть, что впрочем встречается и не у одного еврейского племени. Но нельзя же удивляться, до какой степени евреи утратили свой прекрасный древний язык. Положим, в прежнее время преследований они должны были по необходимости употреблять чужое наречие, но энергичский народ, пережив эпоху преследования, стремится к развитию языка своего. Действительно странны филологические судьбы этого народа.

Новобериславская колония состоит из двух типов, если можно назвать типами литовских и курляндских евреев, хотя последние находятся в не весьма большом количестве. Ни те, ни другие не представляют резкого отличия; однако если всмотреться ближе и пристальнее, то курляндский еврей будет немножко отесаннее и самая речь его не имеет той припрыжки и междометий, какие встречаются в речи виленских выходцев. Но и те, и другие склонны к бродяжничеству, и если бы не зоркий глаз менониста, половина колонии стояла бы пустырем, а промышленные жидки шныряли бы по окрестным губерниям, что происходить и теперь, только в малом размере. Мне кажется, впрочем, что насильно нельзя сделать из еврея земледельца, и я полагаю – было бы выгоднее отдавать землю празднующихся евреев каким-нибудь крестьянам с условием, чтобы они занимались улучшенным хлебопашеством, по немецкому способу. Многие колонисты Евреи, если бы только было дозволено, охотно возвратят казне издержки, употребленные на их переселение лишь бы только приписаться куда-нибудь в городские общества. Не знаю, как живут евреи в старых колониях, привыкло ли то поселение к порядку и новому образу жизни, но здесь лишь пять, шесть хозяев понимают пользу земледелия, а остальные тяготеют сельским бытом и полевыми работами. В каждой мере, предпринимаемой смотрителем для их же пользы, они видят угнетение и по возможности ухищряются надувать начальство. Колонисты более всего сетуют на смотрителя за то, что он требует соблюдения чистоты, благодетельного влияния которой еврей не понимает совершенно, ибо не может извлечь из нее ни копейки.

– Пусть он бьет меня за то, что дурно пашу, сею – тут значить есть выгода: больше было бы хлеба и, стало быть, больше денег; но то, что же меня штрафовать, если я не поливаю деревья или не выметаю двора! Вай, вай! Что мне из деревца? А еще больше – какая мне польза, что будет чистый двор?

Так говорил один плутоватый колонист, предлагавший мне разные услуги;

Я старался убедить его, что чистота необходима человеку также как воздух, и, желая, чтобы он понял яснее мои убеждения, привел ему пример из жизни животных.

– Ведь ты видел, что и кошка, если только поест что-нибудь или выпачкаете лапку, тотчас умывается и вытирается.

– Да, точно так, однако же, кошке это ничего не стоит: ей не надо расходовать воды и покупать мыло и полотенце.

Я не нашелся, что отвечать своему собеседнику против такой находчивости еврейского ума, обладающая) способностью прилагать везде свою собственную арифметику, однако мне все таки не хотелось оставить разговора.

– Так неужели, по-твоему, жить и ходить в грязи?

– А разве она мешает!

– Да ведь приятнее же войти в чистую хату, надеть чистое белье, платье....

– Где нам! В хате лишь бы тепло было, а чистое платье мы держим про шабаш.

– А зачем такое у вас грязное белье?

– Помилуйте, кто же будет его часто мыть! да если и мыть, то оно испортится.

– Ты же видел, как немцы живут чисто.

– Немцы другое дело.

- Отчего же другое дело?
- Таи так заведено.
- Отчего же вам не завести?
- Нам некогда.
- Ну уж, любезный, это сущий вздор! Немцы гораздо больше вас заняты, а ты лучше скажи, что лень заняться чистотою. Я не знаю как вы живете: ведь войти в избу нельзя – запах такой, что с ног сшибает.
- Отчего?
- Оттого, что свежему человеку дышать нельзя.
- А нам ничего.
- Привыкли, должно быть.
- Свое никогда не пахнет дурно, проговорил еврей, воображая, что удивительно состроил.

Дальнейшее продолжение разговора не повело бы ни к чему, но я говорил после об этом предмете со зрителем. Менонист приходил в отчаяние от образцового неряшества своих подчиненных и пришел к тому заключению, что завести у евреев чистоту и опрятность нельзя ни угрозами, ни штрафами, а разве положить денежную награду хозяйке, которая содержала бы опрятно свое жилище. Эта мера показалась мне оригинальною и весьма действительною, потому чего еврей за деньги готов даже отказаться от грязи и неряшества, жаль только, что это неудобно исполнимо.

Нравственность колонистов весьма шаткого свойства, и близость города Берислава причиною, что против разных шалостей нельзя принять никакой меры. Ночные похождения евреев совершаются в тайне, а результаты этих походов, попавши в Берислав, совершенно исчезают, благодаря деятельности промышленников подобного рода.

Можно утвердительно сказать, что из евреев трудно ожидать порядочных земледельцев, и каких правительство ни употребляло бы мере, еврейские колонии не скоро придут в цветущее положение. Промышленность и ремесла – вот две отрасли, свойственные израильскому племени, которое на этом поприще умеет сделать из одной копейки две, и оживляет страну, в которой находится. Земледелие, как сказано выше, не процветает между народом, словно созданные для другой пилы. Несмотря на это, есть несколько евреев, в том числе и шульц, у которых хлебопашество довольно порядочно. Причиной последнего обстоятельства, как говорят, были деньжонки, привезенный при переселении, и первоначальная удача, которая поощрила неофитов, получивших в первый же год значительные барыши. Так или иначе, только земледелие медленно прививается в этой колонии, и не знаю, достигается ли когда цель колонизации израильского племени. Любил я смотреть на полевые работы евреев. Положим какой-нибудь Гершко выехал пахать в сопровождении Лейбы и небольшого Мойки. Тощие клячи едва влекут плуг, который в менонистских колониях идет чуть не рысью. Если вы обладаете хорошим слухом и понимаете ломанный немецкий язык, вы услышите как Гершко и Лейба, постегивая машинально кляч, рассуждают о счастливой доле своих собратьев, которые, покинув колонии, ходят с мелочными товарами по окрестным губерниям, или о тех молодцах, которые занимаются какими-нибудь ремеслами в городах и местечках. Я спрашивал раз одного:

- Скажи пожалуйста, отчего вы так неохотно занимаетесь хлебопашеством, когда оно всегда выгодно?
- А кто вам сказал, что оно выгодно?
- Все говорят.
- Оно выгодно панам, выгодно богачам, кто можете нанять много рабочих, – а мне какая выгода! Положим, я посею 5 четвертей, а получу 20 – это уже хорошо; 5 должен оставить на посеве, могу только продать 15. Пусть будет 7 карбованцев четверть – значит, я заработаю 105 кербелей. И какая работа! Весна, лето и осень пропадут за 105 рублей! Дайте же мне 30 кербелей и пустите меня с лошадьми хоть в Херсон: я буду «ничего не делать», а через полгода заработаю 150 карбованцев и возвращу вам деньги с большим процентом.
- Да как же ты заработаешь?
- Как заработаю? очень просто: лошадей найму, а сам куплю какого-нибудь товара, потом продам, потом опять куплю и снова продам.
- Да ведь и это же труд, только не совсем верный.
- А неурожай, засуха, саранча! Разве и тут есть что-нибудь верное? Нет, видно Бог попутал отца моего за грехи, и он поехал в колонию.

Занимательны также еврейки на полевых работах. Известно, что женщины этого племени не

оставляют вязать чулок ни минуту, даже исполняют эту работу, ходя по городу. Точно также делают они и в колонии. Идет еврейка в поле, положим, обкапывать картофель. Какой-нибудь маленький Берко или Волько несет заступ, а она идет тихим шагом и, спустив по обыкновению с одного плеча верхнюю одежду, с ожесточением работает вязальными спицами. Идет она так медленно, словно желает отсрочить самую неприятную обязанность, к исполнению которой приступает весьма неохотно. Обкопав несколько кустиков, она садится на землю и снова принимается за чулок, как бы последнюю работу исполняет для себя, а картофель обкапывает за барщину.

О нравах и обычаях колонистов распространяться не буду, потому что помешу об этом предмете свои наблюдения при описании какого-нибудь торгового города.

Глава III

Берислав. Положение его. Замечательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старики. Село Казачье. Еврейская колония Львова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки.

.....

Далее вниз расположена одна из новейших еврейских колоний Львова. Рассказывать о ней подробно, значит, повторять написанное в предыдущей главе о Ново-Бериславе; но нельзя пропустить без внимания обстоятельства, ускользнувшие в прежнем описании, и местные особенности, принадлежащие собственно Львовой. Колония эта расположена над Днепром, именно у того места, где река эта, сливаясь с Казаком, бежит в узких берегах, имеет весьма глубокий фарватер. Местность прекрасная, особенно живописен вид на колонию с Днепра, потому что правый, нагорный берег состоит из сплошных рядов скал, убранных деревьями и кустарниками. Скалы эти образовали параллельные поперечные выступы, над которыми в иных местах встречаются длинные полуоткрытые галереи. Камень преимущественно состоит из мелких окаменелых ракушек. Так как и в Бериславе, но здесь есть ещё весьма замечательное обстоятельство. В одном из уступов, выходящих на извилистую тропинку, заметны оконечности окаменелых костей какого-то большого животного. Кроме того, что я не знаю сравнительной анатомии, невозможно, мне кажется, по торчащим кускам, и специалисту определить их положительно. Смотритель колонии обещал, в свободное время, искусно отделить несколько костей и переслать мне по оставленному адресу. Если он исполнит обещание, я не замедлю представить эти окаменелости в Петербург, где, конечно, гг. ученые дадут им настоящую цену (* Впоследствии я повторил свою просьбу, но пока был в краю, ответа не последовало).

Колония Львова, по наружности, неопрятнее и оборваннее Ново-Бериславской, да и внутреннее содержание её уступает первой во всех отношениях. Здесь гораздо более домов без крыш, почти нет деревьев и везде проглядывает неряшество. Между тем, здесь есть тоже смотритель менонист, весьма порядочный человек и очень хороший хозяин. Дом его окружен таким отлично возделанным садом, что никакие отговорки колонистов относительно непродуктивности почвы не должны иметь места. Бедный этот менонист решительно не знает, что делать. Львовские евреи до того народ избалованный, что они знать не хотят постановлений, и вместо хлебопашества занимаются разного рода торговлей, отлучаясь для этого не только из колонии, но нередко и за пределы губернии. В предыдущей главе я уже говорил, что, по моему мнению, из евреев невозможно сформировать земледельцев, что трата казны на их переселение и устройство напрасна, и главное – отведенные им земли будут частью дурно возделаны, а часто останутся пустырями. Многие семейства обеднели, остались без рабочего скота и, вообще, без верных средств к пропитанию. Впрочем, цель колонизации евреев могла бы быть достигнута с некоторым изменением существующего порядка вещей. Целые деревни, населенные собственно евреями, невозможны, потому что земледелие не есть пока призвание этого племени; но было бы легче приучить их к хлебопашеству, поселив их на половину вместе с булгарами, немцами или преимущественно с менонистами, как лучшими хозяевами из всех переселенцев. Тогда дух мелочной промышленности, сдерживаемый трудолюбием, флегмой и необыкновенной честностью менонистов, мало-помалу, склонялся бы к хлебопашеству тем более, что евреи видели бы живой пример, как из непродуктивной, по их, мнению, почвы, трудолюбивый немец извлекает не только безбедный кусок хлеба, но и довольство жизни. В еврейской колонии есть несколько хозяев, постигших, что и хлебопашество дело не худое, и хоть оно и не слишком у них спорится, однако, все-таки со временем можно бы ожидать удовлетворительных результатов. Смотритель, начальственным влиянием и требовательностью, не в состоянии успеть в такой степени, в какой успела бы половина деревни одним

примером. Между двух прекрасных домиков, окруженных садами, еврей непременно старался бы по возможности держать опрятно и свое жилище: пусть он и не мог бы сравняться с соседями, но, во всяком случае, превосходил бы своих единоплеменников в настоящем их положении в еврейской деревне. И для этого не нужно вызывать из-за границы немцев. В менонистских колониях уже очень много безземельных колонистов, которые, не пользуясь участками, живут ремёслами или служат у своих единоплеменников. По свойственной этому народу бережливости, каждый имеет хоть небольшую сумму, и многие нанимают землю у окрестных помещиков. В Екатеринославском уезде есть даже целая колония, поселившаяся в имении князя Кудашева. Такие колонисты охотно перешли бы в еврейские деревни, на участки тех евреев, которые сами не в состоянии хозяйничать. Мало этого, они не только примут на себя недоимку, но, не задумавшись, дадут ещё сотню, другую рублей еврею на переселение его в город. И я уверен, что многие жидки с радостью оставили бы колонию и взяли сотню целковых, с которыми предприимчивый сын Израиля тотчас пустится в какую-нибудь коммерцию и, конечно, заработает в один год столько же, если не больше. Но это одно мое предположение, а при настоящем порядке вещей колония Львова находится в неутешительном состоянии. Все население поставлено против зрителя и употребляет всевозможные кляузы и жалуется высшему начальству на притеснения, которых, разумеется, нет и не было. Бедный зритель не может даже добиться, чтобы хоть половина колонистов исполняла свою обязанность. Он строго наблюдает, чтобы евреи не отлучались без билета, но они умеют обходиться и без билетов, а в окрестностях, вообще, идет нехорошая молва о колонии Львовай. Рыболовством и судоходством не занимается никто.

Видел я все полевые работы, исполняемые евреями, и надо сказать правду, что как-то странно видеть это племя за сохой или с цепом на току. И пахание, и молотба исполняются с какими-то необыкновенными приёмами, однако через несколько минут глаз привыкает, и словно не замечаешь ничего необыкновенного. Но не угодно ли вам взглянуть на евреев во время косьбы! Из всех полевых занятий, это, по моему, самое грациозное: здесь именно человек может выказать и стройность, и ловкость, и даже грацию. Действительно, иногда с удовольствием можно смотреть на ряды косцов, которые плавными движениями и свободной поступью заставляют зрителя забывать, что это самая утомительная работа, и вы только видите людей, которые словно забавляются легкой гимнастикой. Присутствовал я при косьбе разных племён и везде, в особенности издали, любовался этой работой; редко разве какая-нибудь неуклюжая фигура, неловкостью своею нарушала стройность цёлого. Но при одном взгляде на косящих евреев, нет никакой возможности удержаться от смеха. Сначала, впрочем, покажется, что перед вами толпа помешанных людей, которые, размахивая косами, кружатся на одном месте; конечно, при этом происходит и гам, без чего уже это племя обойтись не может. Но, всмотревшись пристальнее, вы увидите, что жидки усердно занимают работой. Все прочие косцы обыкновенно становятся в ряд на расстоянии взмаха косы и каждый идет вперед, стараясь равняться и не отстать от товарищей. У евреев совсем другое; у них каждый работает, кружась в разные стороны и стараясь захватить как можно шире; при этом они машут косами весьма быстро – отчего зацепляют траву не при корне, – и, вообще, все движения чрезвычайно карикатурны. Это уморительно до такой степени и столько доставляет удовольствия, что я готов ехать нарочно верст за 30 – пробыть хоть час возле евреев, которые косят. И вся эта орда тараторит без умолку, словно сороки, собравшаяся по случаю какого-нибудь совещания, а если ещё принять во внимание, что иные работают в своих летних балахонах, полы которых развеваются по ветру, то я уверен, многие проезжающие охотно пожертвовали бы несколько часов на эту потеху, если бы знали, что Львова лежит между двумя станциями – Ольговской и Тягинской, а земли её упираются в большую дорогу.

Нечистота и неопрятность в большом ходу у евреев, но широта ли помещения, отсутствие тесноты в жилищах, в которой племя это гнездится в городах, здоровый ли полевой воздух причиной, что я не видел колонистов, подверженных отвратительной болезни чесотке. В городах между беднейшим еврейским населением чесотка, словно необходимая принадлежность, и кажется неестественным видеть жидёнка, у которого не было бы прыщей на руках, и который не чесался бы по всем направлениям.

В Львовай есть, однако же, несколько достаточных евреев, которые приобрели состояние разными мелкими спекуляциями в военное время. Домики у них содержатся по возможности чисто. Впрочем, зритель довел колонистов, что они хоть не выбрасывают сор за ворота, и если в большей части дворов неопрятно, то, по крайней мере, по улице можно пройти, не рискуя спотыкнуться на кучи сора,

состоящие из нечистот всякого рода, как это бывает даже в некоторых губернских городах.

Афанасьев-Чужбинский (настоящая фамилия Афанасьев) **Александр Степанович**. Русский и украинский писатель, этнограф. Родился 12.03.1817 в Лубенском уезде Полтавской губернии. Автор этнографического труда «Поездка в южную Россию» (ч. 1-2, 1861); произведений из провинциального и столичного быта - «Очерки прошлого» (ч. 1-4, 1863), романа «Петербургские игроки» (ч. 1-4, 1871-72). Составил «Словарь малорусского наречия» (1855). Редактировал журналы «Заграничный вестник», «Искру» (1873). Переводил с польского и французского языков.

Соч.: Собр. соч., т. 1—9, СПб. 1890—92.